

В статье рассматривается ряд особенностей фонетической синтагматики в верхнечепецком диалекте, входящем в северное наречие удмуртского языка. Актуальность исследования определяется значимостью сведений о своеобразии удмуртских говоров, распространенных в верхнечепецком языковом ареале и имеющих недостаточное освещение в научной литературе. Эмпирической базой исследования послужили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в районы проживания северных удмуртов. Особое внимание уделяется явлениям, которые являются общими для говоров верхнечепецкого диалекта, с одной стороны, и/или имеют ограниченное распространение в группе исследуемых говоров, с другой. Выявляются отличительные явления в системе вокализма и консонантизма, анализируются наиболее типичные для говоров звуковые изменения и процессы. Из фонетических особенностей отмечены различные виды ассимилятивных явлений гласных и согласных, выпадение звуков. Исследуются характерные явления выпадения гласных в инлауте и аушлауте слова. Наиболее типичным для верхнечепецкого диалекта является выпадение гласных в середине и абсолютном конце слова. Констатируется, что данному процессу в инлауте и аушлауте чаще всего подвергается гласный *ы*. Достаточно подробно освещаются внутрдиалектные специфические явления, проявляющиеся в фонетической системе говоров верхнечепецкого ареала. Также выявляется территориальная распространённость диалектных модификаций фонетической синтагматики. Проводится последовательное сравнение языковых фактов верхнечепецких говоров с аналогичными явлениями северных диалектов и других удмуртских говоров.

Ключевые слова: удмуртский язык; фонетика; северные диалекты; верхнечепецкий диалект; фонетическая синтагматика; вокализм; консонантизм; фонетические явления; диалектные модификации; диалектное варьирование.

DOI:

В последние десятилетия интенсивно проводятся исследования по фиксации и изучению диалектов севернудмуртского языкового ареала. Из трёх групп диалектов (нижнечепецкий, среднечепецкий, верхнечепецкий), выделяемых в системе северного наречия, в настоящее время наиболее обследованным является среднечепецкий диалект, языковые особенности которого получили освещение в трёх книгах автора данной статьи [Карпова 1997; 2005; 2013]. К числу недостаточно исследованных диалектных микросистем относятся верхнечепецкие говоры, картина которых в пространстве севернудмуртских диалектов представляет собой достаточно неоднородный диалектный континуум. Некоторые наблюдения по языку верхнечепецких удмуртов представлены в небольших статьях обзорного характера [Алашеева 1982, 91–105; 1990, 8–10; Каракулов 1982, 106–115; Карпова 2011, 97–106]. Определённые сведения о специфике верхнечепецких говоров имеются в нашем обобщающем труде по севернудмуртским диалектам [Карпова 2020]. Тем не менее, фонетическая синтагматика верхнечепецких говоров не получила еще должного систематизированного освещения в научной литературе.

В административном отношении верхнечепецкий диалект (или верхнечепецкие говоры) охватывает Кезский, Дебёсский р-ны, также северо-восточную часть Игринского р-на Удмуртской Республики. По ряду особенностей в пределах верхнечепецкого диалекта выделяются 3 говора: кезский, дебёсский и зуринский. Верхнечепецкий ареал в языковом отношении носит смешанный характер, что обусловлено историей заселения территории. Формирование языка носителей верхнечепецкого диалекта шло в течение ряда веков в условиях постоянного переселения на территорию его распространения удмуртов из различных регионов, в частности, с нижней и средней Чепцы, Кильмези, из южной Удмуртии и Арской земли [Атаманов 2005, 47, 49–52]. Миграционные процессы и более чем двухвековое совместное проживание удмуртов из разных локальных ареалов отразились на языковой

специфике говоров верхнечепецкого региона, в которых наряду с общими северноудмуртскими особенностями выработались свои местные черты.

Предметом рассмотрения в данной работе являются дифференциальные фонетические признаки верхнечепецких говоров в контексте других макросистем северноудмуртского наречия – среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов. Источниковой базой исследования послужили полевые материалы автора, собранные в ходе диалектологических экспедиций в районах проживания верхнечепецких удмуртов.

1. Фонетические явления, характерные в целом для исследуемых говоров и представляющие собой «верхнечепецкие черты» в диалектной системе северного наречия.

1.1. Вокалическая система верхнечепецких говоров имеет в своём составе 7 гласных фонем: *a*, *o*, *y*, *и*, *э*, *ö*, *ы*. Первые шесть фонем по артикуляционно-акустическим качествам не проявляют различий во всех северноудмуртских диалектах. Специфику составляет фонема *ы*. В говорах верхнечепецкого диалекта, как и в нижнечепецком диалекте, она выступает в единственном варианте – *ы*. В отличие от этого, в среднечепецком диалекте данная фонема реализуется в трёх вариантах: *ы* – гласный среднего подъёма верхнего ряда, *ь* – гласный среднего (средне-нижнего) подъёма заднего ряда, *й* – гласный верхне-среднего подъёма средне-заднего ряда. Некоторые примеры: вч., нч. *кужым*, сч.: юк., кож. *кужъм*, яр. *кужым*, пон. *кужъм* (*кужъм*, *кужъм*) ‘сила; мощь’; вч., нч. *тыл*, сч.: юк., кож. *тъл*, яр. *тыл*, пон. *тъл* (*тыл*, *тыл*) ‘огонь’; вч., нч. *гурын*, сч.: юк., кож. *гурьн*, яр. *гурын*, пон. *гурьн* (*гурын*, *гурьн*) ‘в печи’.

Возникновение варианта *ь* (< *ы*) в удмуртских диалектах ряд учёных связывает с влиянием тюркских языков [Лыткин 1968, 93; Кельмаков 1975, 548]. В более поздних исследованиях В. К. Кельмаков высказывает мысль, что фонетический процесс перехода *ы* в *ь* мог осуществиться по собственным внутренним законам развития удмуртского языка, а тюркскому влиянию следует отводить роль дополнительного фактора [Кельмаков 1993, 20].

М. Г. Атаманов подвергает сомнению точку зрения о возникновении заднерядного *ь* в удмуртских говорах под влиянием диалектов татарского языка. Изучив ареал распространения заднерядного *ь* и его варианта *й* в говорах южноудмуртского наречия и сравнив эти данные с историей расселения воршудно-родовых групп, исследователь высказывает гипотезу появления заднерядного варианта фонемы *ы* в удмуртских говорах под влиянием языка бесермян [Атаманов 2001, 100–101; Атаманов-Эграпи 2017, 356–357].

Несколько иное объяснение данной проблемы представлено в работе С. А. Максимова, согласно которому заднерядный *ь* не во всех удмуртских диалектах, в которых он функционирует, возник под влиянием бесермянского языка. По мнению учёного, в возникновении данного звука в удмуртских диалектах решающую роль сыграл татарский язык. Это касается, прежде всего, отдельных говоров периферийно-южного (ташкичинского, татышлинского, кукморского, бавлинского) и собственно южного диалектов. Появление заднерядного *ь* в среднечепецком диалекте исследователь склонен объяснить влиянием языка бесермян [Максимов 2009, 66, 68].

1.2. Специфику верхнечепецких говоров в макросистеме северноудмуртского диалектного языка составляет отсутствие в их консонантной системе инициального билабиального согласного *й* перед гласным *a*, выступающего в ограниченном круге лексем. Единичные примеры на употребление данного согласного в указанной позиции нами зафиксированы в речи диалектоносителей старшего поколения в гыинском и александровском кустах кезского говора (северо-западная часть Кезского района), территориально смежных со среднечепецким диалектом, в котором он имеет достаточно активное функционирование: кез., деб., зур. *вамэнэс*, кез.: гыин., ал. *вамэнэс* ~ *йамэнэс* ‘упрямый’; кез., деб., зур. *вал’эс*, кез.: гыин., ал. *вал’эс* ~ *йал’эс* ‘постель’; кез., деб., зур. *ватыны*, кез.: гыин., ал. *ватыны* ~ *йатыны* ‘спрятать; хоронить, похоронить’; кез., деб., зур. *ваз’эн*, кез.: гыин., ал. *ваз’эн* ~ *йаз’эн* ‘раньше, в старину, прежде’; кез., деб., зур. *вамыштыны*, кез.: гыин., ал. *вамыштыны* ~ *йамыштыны* ‘шагнуть, перешагнуть’; кез., деб., зур. *вашкала*, кез.: гыин., ал. *вашкала* ~ *йашкала* ‘древний, старинный; первобытный’. Примеры: кез. *мон кёлны ваз’ выдис’ко, курэгийосын чош, вылды*. Юр. ‘Я спать **рано** ложусь, с курицами в одно время (‘вместе’), наверное’; кез.: гыин. *выл’ г ö й й ын йачэ ми ули·мы мужикэным*. СГыя ‘В Новой Гые **вдвоём** с мужем мы жили’; кез.: ал. *кэс’а·зы со вуж коркай-эз, йал’л’ала корйосыз ал’и но зэчэс’ на*. Ал. ‘Разобрали тот старый дом, **старинные** брёвна и до сих пор хорошие’; деб. *ваз’эн татын улон зэч вал, колхоз но вал, ужас’ком но вал чи·стонамы*. Так. ‘**Раньше** здесь жизнь хорошая была, и колхоз был, и работали мы все’; зур. *тин’ то·жо ваз’эн кулиз*

вис'са бубилэн с'эстрэз. Тюп. 'Вот тоже **рано** из-за болезни умерла сестра моего отца'. Сохранение *ү* в гыинском и александровском кустах кезского говора связано с влиянием территориально смежного среднечепецкого диалекта, в котором данный звук достаточно активно функционирует [Карпова 1997, 68–69].

Отметим, что инициальный *ү*, помимо среднечепецкого диалекта, имеет широкое распространение в нижнечепецких говорах [Карпова 2016, 23], бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 119; Люкина 2016, 55–58], отчасти встречается и в отдельных говорах периферийно-южного диалекта [Насибуллин 1972, 40–41; Кельмаков 1998, 85].

По своему происхождению анлаутный *ү*- в сочетании *үа* восходит к прапермскому **ц*- [Uotila 1933, 63–70; Itkonen 1954, 280–281; Лыткин 1964, 24], который в большинстве удмуртских диалектах преобразовался в согласный *в*.

1.3. Дифференциальной чертой верхнечепецких говоров в системе северноудмуртских диалектов является отсутствие палатализации согласного *т* перед гласным *и*. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах указанное явление происходит в нескольких позициях, в частности: 1) в показателе *-эт'и* порядковых числительных; 2) в форманте переходного падежа; 3) в некоторых наречиях и наречных словах. В отличие от этого, в говорах верхнечепецкого диалекта подобное явление смягчения согласного *т* в указанных позициях не получило развития: вч. *бакчати* (сч. *бакчат'и* ~ *бакчаыт'и* ~ *бакчаыт'*, нч. *бакчат'и*) 'по огороду'; вч. *дасэ·ти* (сч., нч. *дасэ·т'и*) 'десятый'; вч. *оти* ~ *от* (сч., нч. *от'и* ~ *от'и*) 'там; по тому месту'. Примеры: кез. *ул'чати* *но үамыштыны мыным с'экыт ни*. Мед. 'И **по улице** шагать мне уже тяжело'; деб. *кыкэ·ти арзэ служит' карэ ни внукмы*. Тыл. 'Второй год служит уже /в армии/ наш внук'; зур. *оти, н'эфт'а-н'н'икйос бордын, пийэ ужса*. Тюп. 'Там, у нефтяников, сын мой работает'.

Помимо среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов явление палатализации согласного *т* перед гласным *и* широко распространено в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 79–81, 165; Люкина 2016, 78, 108–109], в некоторой степени оно отмечается также в отдельных говорах собственно южного диалекта [Кельмаков 1977, 38–39; Архипов 1981, 7; Загуляева 1981, 127]. В нижнечепецких и среднечепецких говорах эта особенность, с нашей точки зрения, возникла под влиянием языка бесермян.

1.4. В отличие от других северноудмуртских диалектов, в верхнечепецком диалекте не наблюдается явление озвончения этимологических глухих согласных перед согласным *в*: вч. *лысву*, сч. *льзву* (*лызву*, *льзву*), нч. *лызvu* 'роса'; вч. *жйок вылэ*, сч. *жйог вълэ* (*жйог вылэ*, *жйог вълэ*), нч. *жйог вылэ* 'на стол'; вч. *шуныт ву*, сч. *шуньд ву* (*шуньд ву*, *шуньд ву*), нч. *шуньд ву* 'тёплая вода'; вч. *дас вит'*, сч., нч. *даз вит'* 'пятнадцать'. Примеры: кез. *лысву ус'ис кэ, ву но кис'тано овёл ни бакчын*. Пол. 'Если **роса** выпала, не надо поливать уже в огороде'; деб. *туш трос калык вал д'эрэвн'ын, йун шулдыр вал*. ЗМед. 'Очень много **народа было** в деревне, очень весело было'; зур. *аз'ло татын трос валйос воз'о вылэм, ал'и кругом быттэмын*. Кабач. 'Раньше здесь **много лошадей** держали, сейчас совсем не разводят'.

Озвончение глухих согласных перед губно-губным *в*, помимо среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов, широко отмечается в языке бесермян [Тепляшина 1970а, 151–153; Люкина 2016, 67]. Относительно происхождения данного фонетического процесса в среднечепецком и нижнечепецком диалектах мы придерживаемся позиции Т. И. Тепляшиной, которая считает, что источником его развития в северноудмуртских диалектах могло послужить влияние языка бесермян [Тепляшина 1970а, 153]. Материалы по среднечепецкому и нижнечепецкому диалектам также подтверждают данную гипотезу: озвончение глухих согласных перед *в* довольно активно отмечается в территориально смежных с бесермянским наречием удмуртских говорах.

1.5. Одним из отличительных признаков верхнечепецких говоров в системе северноудмуртских диалектов является выпадение некоторых гласных, в частности фонем *ы*, *а*, в структуре слова. В описываемых говорах выпадение гласного может наблюдаться в следующих позициях:

1) в середине слова: выпадение этимологического гласного основы *-ы* глаголов I спряжения перед суффиксом неопределённой формы при условии, если не имеется стечения согласных перед *ы*: вч. *пырны* (< *пырыны*), сч. *пърньн* (*пырыны*, *пърьнй*), нч. *пырыны* 'войти, зайти'; вч. *ульны* (< *улыны*), сч. *ульньн* (*улыны*, *ульнй*), нч. *улыны* 'жить'; вч. *вурны* (< *вурыны*), сч. *вурньн* (*вурыны*, *вурьнй*), нч. *вурыны* 'шить; зашить; подшить'; вч. *кыльны* (< *кылыны*), сч. *кълньн* (*кылыны*, *кълнй*), нч. *кылыны* 'слышать, услышать'. Примеры: кез. *вис'ны кутскэм сфэкро·фказы, куйн' толыз' вис'из, йун вис'из*.

Пол. 'Заболела ('болеть стала') их свекровка, три месяца болела, сильно болела'; деб. *кирос мумиз-бубиз но ныллэн кулэ, пилэн но луны кулэ*. Бер. 'Крестые родители и у девочки должны [быть], и у мальчика должны **быть**'; зур. *бэромим но кёлны пырим мынам т'ат'элэн с'эстрэз дин'э*. Тур. 'Припозднились мы и зашли **переночевать** к сестре моего отца'. Следует отметить, что выпадение гласного *ы* в рассматриваемой позиции в говорах верхнечепецкого диалекта имеет нерегулярный характер. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах в описываемом положении *ы* всегда сохраняется. Регулярная синкопа *ы* конца глагольной основы отмечается в срединных говорах, в частности, в верхнеижских [Тепляшина 1973, 201], средневожских [Бушмакин 1971а, 103; Воронцов 1997, 11] говорах. Единичные примеры на выпадение *ы* в данной позиции встречаются в кырыкмасских говорах собственно южного диалекта [Кельмаков 1977, 78];

2) в абсолютном конце слова:

а) выпадение гласного *ы* в суффиксе инфинитива глаголов I спряжения: вч. *гоштын* (< *гожтыны*), сч. *гоштънъ* (*гоштыны, гожтыны*), нч. *гоштыны* 'написать'; вч. *кошкын* (< *кошкыны*), сч. *кошкънъ* (*кошкыны, кошкыны*), нч. *кошкыны* 'уйти'; вч. *вордын* (< *вордыны*), сч. *вордънъ* (*вордыны, вордыны*), нч. *вордыны* 'воспитывать; растить'. Эта особенность является одной из дифференциальных черт говоров верхнечепецкого диалекта в системе северноудмуртских диалектов. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах, как и во многих удмуртских диалектах, *ы* в указанной позиции сохраняется. Выпадение гласного в маркере неопределённой формы, согласно нашим полевым данным, в основном наблюдается в случаях, когда инфинитивная форма включена в состав составного сказуемого. Примеры: кез. *гоштын мон тил'эд быгато та пэ-сн'айэз бумага вылын но*. Фок. 'Написать я вам могу эту песню и на бумаге'; деб. *шутэтскын вэтлис'ко «дом прэстарэ-лых»*. Так. 'Отдыхать езжу в «Дом престарелых»'; зур. *вэрас'кын вол'ыт уг вэ-рас'кы на мужикэ. врач но бол'н'иццын соз' вэраз вал, вит'оно, пöй*. Лоз. 'Говорить хорошо пока не получается у мужа. И врач в больнице также сказал, мол, надо подождать'. Как показывает материал, в ауслауте данной группы лексем гласный *ы* выпадает в основном при условии, если перед гласным *ы* основы глагола имеется сочетание согласных: вч. *йотскын* (< *йотскыны*) 'дотронуться; задеть'; вч. *бас'тын* (< *бас'тыны*) 'взять; купить'; вч. *лэс'тын* (< *лэс'тыны*) 'строить; делать'; вч. *начармын* (< *начармыны*) 'нищать; обнищать'. В остальных случаях при отсутствии стечения согласных перед формантом инфинитива обычно выпадает конечный гласный *ы* глагольной основы. Исходя из этого, можно заключить, что в верхнечепецких говорах выпадение *ы* в суффиксе инфинитива глаголов I спряжения является коррелятом выпадению *ы* в инлауте перед формантом *-ны*. Подобное явление регулярно наблюдается в смежных средневожских говорах [Воронцов 1997, 16], оно имеет место также в отдельных говорах собственно южного диалекта, к примеру, в граховских говорах [Атаманов 1981, 52–53]. В бесермянском наречии отмечается факультативное употребление обеих форм [Люкина 2016, 41];

б) выпадение гласного *ы* в суффиксе инфинитива глаголов II спряжения. Это явление представляет также специфику верхнечепецких говоров в северноудмуртском диалектном ареале: вч. *вэран* (< *вэраны*), сч. *вэранъ* (*вэраны, вэраны*), нч. *вэраны* 'говорить, сказать'; вч. *ужан* (< *ужаны*), сч. *ужанъ* (*ужаны, ужаны*), нч. *ужаны* 'работать'; вч. *турнан* (< *турнаны*), сч. *турнанъ* (*турнаны, турнаны*), нч. *турнаны* 'косить'; вч. *гажан* (< *гажаны*), сч. *гажанъ* (*гажаны, гажаны*), нч. *гажаны* 'уважать'; вч. *гожйан* (< *гожйаны*), сч. *гожйанъ* (*гожйаны, гожйаны*), нч. *гожйаны* 'писать'. Примеры: кез. *арэскы но зöк öвöл на, öй но у-жа туннэ йоскад', нош дардомын öдийай ни, н'эномыр лэс'тытэк*. Куз. 'И годов [мне] не так уж много, и не работала ещё сегодня как следует, а устала уже ('уствовать начала'), ничего не делаю'; деб. *мил'эмды фэрмайэ таччы ужан вайизы*. Котег. 'Нас на ферму сюда перевели **работать**'; зур. *ужан мон йаратско вал, ван' ужмэ йаратыса ужай*. Тюп. 'Работать я любила, всю работу с любовью выполняла'. Широкое распространение данное явление имеет в соседних средневожских говорах [Воронцов 1997, 16]. Случаи выпадения гласного *ы* в данной позиции зафиксированы также в граховских южных говорах [Атаманов 1981, 52]. Аналогичный фонетический процесс представлен в южных диалектах коми-пермяцкого языка [Баталова 1975, 190; Баталова 1982, 146–147].

Отпадение гласного *ы* в показателе инфинитива *-ны* глаголов I и II спряжения, вероятно, связано с явлением редукции конечного гласного слова в потоке речи. Отметим, что в большинстве удмуртских диалектов *ы* в ауслауте данной группы глаголов сохраняется.

1.6. Для говоров верхнечепецкого диалекта характерным является отсутствие *й* суффиксальной морфемы в положении перед гласными *э, а, о*, например: *коркаэ* (ср. лит. *коркае* [коркайэ]) 'мой дом',

узыэз (ср. лит. *узыез* [узыйээ]) ‘его (её) земляника’, *куноэ* (ср. лит. *куное* [кунойээ]) ‘в гости’, *чыртыям* (ср. лит. *чыртыям* [чыртыйам]) ‘на моей шее’, *лымыа* (ср. лит. *лымыя* [лымыйа]) ‘снег идёт’, *узыан* ~ *узыаны* (ср. лит. *узыяны* [узыйаны]) ‘собирать землянику’. Примеры: кез. *в э л' и к т э мэ огмы до-рыс'эн огмы кунээ өт'ылис'ком вал*. Юр. ‘В Пасху друг друга (‘от одного к другому’) [мы] в гости приглашали’; кез. *татын улы өвөл но, улыан но уг вэ'тскы*. Каб. ‘Здесь земляника не растёт (‘земляники нет’), поэтому за земляникой (‘собирать землянику’) и не хожу’; деб. *май толиз' ни, а туннэ нош лымыа*. Ар. ‘Май месяц уже, а сегодня опять идёт снег’; зур. *пуныэлы нуналас одик пол с'ион с'отыс'ко*. ОИр. ‘Собаке своей раз в день еду даю’. По характеру проявления указанного явления верхнечепецкие говоры проявляют сходство со смежными средневосточными говорами [Бушмакин 1971а, 152–153]. В среднечепецких и нижнечепецких говорах, как и в большинстве удмуртских диалектов, в этой позиции появляется вставочный *й* для устранения стечения гласных на стыке словоформ.

1.7. В говорах верхнечепецкого ареала отмечается явление регрессивной ассимиляции, которая выражается в уподоблении конечного гласного основы и начального гласного суффикса. Так, например, встречаются случаи ассимиляции гласных основы *а, о* начальным суффиксальным гласным *э*: вч. *с'ас'кээн* (< *с'ас'каэн*) ‘с цветком’; вч. *вукээн* (< *вукоэн*) ‘мельницей’; вч. *винээн* (< *винаэн*) ‘с вином’; вч. *канторээ* (< *кантораэ*) ‘в контору’; вч. *көрчагээ* (< *көрчагаэ*) ‘в корчагу’; вч. *коркээ* (< *коркаэ*) ‘в дом; мой дом’; *тээ* (< *таэ*) ‘это’; *субботээ* (< *субботаэ*) ‘в субботу’; вч. *срэдээ* (< *срэдаэ*) ‘в среду’. Примеры: кез. *фэрмээ кыйэд поттыны вэтлэ б о р и сэ, ка жной чүкна оз' мынэ*. Уд. ‘На ферму навоз вывозить ходит мой Борис, каждое утро так идёт’; деб. *мамээ ту жун висис кэ, чагалэс' настойка пыр лэс'тэ вал. оз' л'экарсво мэстээ йуэ вал*. Котег. ‘Мама моя очень сильно болела, настойку из чаги постоянно делала. Так вместо лекарства [её] пила’; зур. *эмээ'эз вузас'ко, школээ мынны плат'т'а бас'тын*. Люк ‘Малину продаю, [чтобы] для школы (‘в школу пойти’) платье купить’.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в устной речи на стыке словоформ нередко наблюдается стяжение уподобившихся гласных: вч. *ул'чэ* (< *ул'чээ* < *ул'ча(й)э*) ‘на улице’; *кунэ* (< *кунээ* < *куно(й)э*) ‘в гости’; вч. *т'ам'эн* (< *т'ам'ээн* < *т'ам'а(й)эн*) ‘с отцом’; вч. *кышнэн* (< *кышнээн* < *кышно(й)эн*) ‘с женой’; вч. *войнэ* (< *войнээ* < *война(й)э*) ‘на войну’. Примеры: кез. *бабэ татын мил'энымы улылиз пыр, но кыт өс ко шкы*. Фок. ‘Моя свекровка здесь с нами жила постоянно, никуда не уехала’; деб. *ачмэ гуртэ пэкарн'а лэс'тылизы. пэкарн'э понизы монэ*. ЗМед. ‘В нашей деревне пекарню построили. В пекарню [работать] определили меня’; деб. *ул'чэти чарпа ворттизы*. Так. ‘По улице щебень возили’; зур. *тан' т'ам'э но мынам кык класс гинэ дышэтскэмын*. Тюп. ‘Вот отец мой тоже два класса всего проучился’.

Аналогичное явление обнаруживается в срединных говорах, в частности, в соседних средневосточных говорах [Бушмакин 1971а, 167]. Для среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов, как и большинства удмуртских говоров, оно не совсем характерно.

2. Фонетические явления, имеющие локально ограниченный характер распространения в группе верхнечепецких говоров.

2.1. Для кезского и дебёсского говоров верхнечепецкого диалекта характерной чертой является выпадение этимологического гласного *а* основы существительного перед падежным формантом в инессиве, элативе, эгрессиве: кез., деб. *бакчын* (< *бакчаын*) ‘в огороде’; кез., деб. *канторын* (< *кантораын*) ‘в конторе’; кез., деб. *т'урмыс'* (< *т'урмаыс'*) ‘из тюрьмы’; кез., деб. *баин'ыс'* (< *баин'аыс'*) ‘из башни’; кез., деб. *войныс'эн* (< *войнаыс'эн*) ‘на войне; с войны’. Примеры: кез. *проч мон торэлкыс' с'ины дышэмын өвөл шыдээ, мыным л'э кчэ жэл'э знойыс'*. Пол. ‘Совсем я не привыкла есть из тарелки суп, мне лучше (‘легче’) из железной [чашки]’; кез. *та ул'чын улис'ко*. УЗяз. ‘На этой улице живу’; деб. *кык арн'а бол'н'иццын кыл'л'из тимы*. Так. ‘Две недели в больнице лежал наш сын’. В зуринском говоре указанное явление не зафиксировано. В нижнечепецком и среднечепецком диалектах, подобно другим удмуртским диалектным микросистемам, в описываемых формах *а* сохраняется [Карпова 2020, 115].

2.2. В ареале кезского говора и незначительно в северной части дебёсского говора отмечаются случаи прогрессивной лабиальной ассимиляции, когда гласный *ы* непервого слога отдельных лексем под влиянием гласного *у* предшествующего слога преобразуется в *у*: кез. *пуну* (< *пуны*) ‘собака’; кез. деб. *турун* (< *турын*) ‘трава; сено’; кез. *пужум* (< *пужым*) ‘сосна’; кез. *пужумгуби* НУн. (<

пужымгуби) ‘масленок (*гриб*)’; кез. *сусуну* (< *сусыну*) ‘можжевельник’. Примеры: кез. *инмар нуулы с’отэм нырыс’ н’ан’*. Уд. ‘Бог **собаке** дал вначале хлеб’; кез. *тат ваз’выл пэрэс’йос турун каро вал, ал’и л’эт’эратурно вэрало йэзит калык*. Пол. ‘Здесь раньше старики «**турун**» называли, теперь по-литературному называет [это слово] молодежь’. Данное явление в кезском говоре имеет нерегулярный характер и отмечается в основном в речи диалектоносителей старшего поколения, в связи с чем представляет собой неустойчивое диалектное различие.

Из других северноудмуртских диалектов лабиальная ассимиляция отмечается в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, изредка – в среднечепецком диалекте [Карпова 2020, 117–118]. Случаи аналогичного выравнивания гласных встречаются в бесермянском наречии [Люкина 2016, 44]. Следует отметить, что явление лабиализации свойственно также отдельным диалектам коми-зырянского [Баталова 1982, 35; Попова, Сажина 2014, 29–32] и коми-пермяцкого языков [Баталова 1975, 77–80].

2.3. В зуринском и дебёссском говорах встречаются также случаи регрессивной ассимиляции, когда конечным гласным основы *a* ассимилируется гласный *o* форманта множественного числа существительных: деб., зур. *ул’чаас* (< *ул’чаос*) ‘улицы’; деб., зур. *бакчаас* (< *бакчаос*) ‘огороды’; деб., зур. *дэраас* (< *дэраос*) ‘холсты’; деб., зур. *кн’игаас* (< *кн’игаос*) ‘книги’. Примеры: деб. *тырттэм коркаас ла-ччак татын ини*. Тыл. ‘Пустых **домов** много уже здесь’; зур. *нылбрагаасы мон вэтли л о з о л’ у кэ*. Тюп. ‘На [праздник] «Девичья брага» (‘на девичьи браги’) я ходила в Лозолук’; зур. *кык мэтраас кыл’из на вал пил’ит’тыны*. Ойр. ‘Около двух **метров** оставалось ещё пилить’.

В спонтанной речи диалектоносителей нередко можно наблюдать явление стяжения, в результате которого на месте двух уподобившихся согласных *aa* на стыке словоформ возникает один *a*, например: деб. *ваз’выл ул’часын пиналийос шудо вал, ал’и пу-сто, нокинэз но ёвёл ини*. Бер. ‘Раньше на улице (**на улицах**) дети играли, сейчас пусто, никого уже нет’; зур. *вайкаласлэс’ кылэлэмэ ван’ с’уан голосэз*. Тюп. ‘**От старых людей** слышала было я свадебный голос’. По нашим наблюдениям, данное явление преимущественно встречается в речи старшего поколения. Аналогичное явление имеется и в пограничных дебёссскому говору средневосточных говорах [Бушмакин 1971а, 200].

2.4. В тыловайском подговоре дебёссского говора (южная часть Дебёссского района – такагуртский, тыловайский кусты) отмечается спорадическое употребление *v* вместо неслогового *ʏ* после *k* в позиции перед гласными *a* и *i*: НТыл., СКыч., Так., Тыл. *квин’* (< *кʏин’*) ‘три’; НТыл., СКыч., Так., Тыл. *кват’* (< *кʏат’*) ‘шесть’; НТыл., СКыч., Так., Тыл. *квар* (< *кʏар*) ‘лист’; СКыч., Так., Тыл. *квамын* (< *кʏамын*) ‘тридцать’; НТыл., Так., Тыл. *квара* (< *кʏара*) ‘звук, голос’. Примеры: тыл. *акээ часту-ин’ицца вал, частушкалы маст’ор вал. кварайэз но ту-жун зво-нкой солэн*. Так. ‘Старшая сестра моя частушечницей была, частушки петь она мастерицей была. И **голос** очень звонкий у неё’; тыл. *кват’ куз’а пинал вайиз*. Так. ‘**Шестерых** детей родила [она]’; тыл. *сычэ кваз’ вал: чуказ’эаз лымы ус’из*. Тыл. ‘Такая погода была: на завтра снег выпал’.

Из других удмуртских диалектных микросистем данное явление зафиксировано в косинском говоре нижнечепецкого диалекта [Карпова 2020, 162], также в отдельных срединных говорах, в частности, шарканском говоре, входящем в группу средневосточных говоров и соседствующем с юга с тыловайским подговором дебёссского говора [Максимов 2018, 198]. Отметим, что употребление *v* на месте неслогового *ʏ* в сочетаниях *кʏа-*, *кʏи-* в указанных говорах имеет нерегулярный характер и отмечается в основном в речи диалектоносителей старшего возраста.

Консонантный кластер *кв-* (*ква-*, *кви-*) анлаута слова в нижнечепецком диалекте, как считает С. А. Максимов, возник в процессе языкового взаимодействия с коми населением. Сохранению в косинском говоре нижнечепецкого диалекта данного звукосочетания, по мнению исследователя, могли способствовать контакты с русским населением [Максимов 2018, 200]. В тыловайском подговоре верхнечепецкого диалекта, как мы полагаем, сочетание консонантного кластера *кв-* в начале слова возникло в результате миграционных волн удмуртов с нижней Чепцы на верхнюю Чепцу.

2.5. В функционировании аффрикат некоторую особенность обнаруживает тыловайский подговор дебёссского говора. В частности, в речи пожилых диалектоносителей как остаточное явление спорадически встречается употребление первичных аффрикат *жс* и *зэ* в ин- и ауслатной позиции, которые в собственно дебёссском подговоре (северная и центральная части Дебёссского р-на), как и в других северноудмуртских диалектах, заменились соответствующими щелевыми согласными *з’* и *жс*: *кӧжы ~ кӧжы* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *кӧжы* Ар., Бер., Котег., Сюр., Турн., ЗМед. // *кӧжы* вч.: кез., зур., нч., сч. ‘горох’; *ужс ~ уж* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *уж* Ар., Бер., Котег., Сюр., Турн.,

ЗМед. // *уж* вч.: кез., зур., нч., сч. ‘работа’; *кэзыт* ~ *кэзыт* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *кэзыт* Ар., Бер., Котег., Сюр., Турн., ЗМед. // *кэзыт* вч.: кез., зур., нч., сч. ‘холодный; холодно’; *ваз* ~ *ваз* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *ваз* Ар., Бер., Котег., Сюр., Турн., ЗМед. // *ваз* вч.: кез., зур., *уаз* нч., сч. ‘ранний; рано’. Примеры: тыл. *толиэ гуртын ули пиналэным*. Так. ‘**Месяц** дома я находилась с ребёнком’; тыл. *оэы лэс’тоно, таэы лэс’тоно*. НТыл. ‘**Так** надо делать, **этак** надо делать’; тыл. *уэжан карис’киз пийэ. ту-жын шумпотэ ачиз но со*. Тыл. ‘На работу (**‘работать’**) устроился мой сын. Очень радуется и сам он’.

Диалектные записи последних лет свидетельствуют о вытеснении в тыловайском говоре этой диалектной особенности, вероятно, под влиянием литературного произношения. Причём в речи одного и того же диалектоносителя старшего возраста встречается вариантное (щелевое и аффрикативное) произношение, с преобладанием первого. Следовательно, в настоящее время явление аффрикатизации в данной диалектной микросистеме представляет собой неустойчивую языковую черту.

Аффрикативное произношение подобных лексем свойственно пограничным средневосточным говорам [Бушмакин 1971, 14] и большинству срединных говоров [Кельмаков 1998, 198].

2.6. В кезском говоре зафиксированы единичные примеры на выпадение гласного *ы* перед сонорными согласными *р, л*: *крыж* (< *кырыж*) Пол. ‘косой, кривой’; (*пуэз*) *трыны* (< *тырыны*) НУн. ‘дрова сложить’; *прак* (< *пырак*) Кул. ‘прямо’; (*ву*) *брэктэ* (< *бырэтэ*) Кул., НУн., Уд., ЮТол. ‘(вода) кипит’; *дрин’чи* (< *дурин’чи*) НУн., Паж. ‘оса’; *блафки* ~ *былафки* (< *булафки*) Паж. ‘булавка’; *плас’кыны* (< *пылас’кыны*) Куз., Юс. ‘умываться’; *слал* (< *сылал*) Ал., Каб., Кул., Пол. ‘соль’; *слалтыны* (< *сылалтыны*) Ал., Каб., Кул., Пол. ‘посолить’. Примеры: кез. *вуэд брэктиз. оло, чай тил’эд пароно?* ЮТол. ‘Вода **вскипела**. Может, чай вам заварить?’; кез. *плас’кыны гинэ но уг лэ’зыло вал... пра-зн’ик луэ з’эмл’а-имэн’и-н’н’ик, вода-имэн’и-н’н’ик, соку уг лэ’зыло вал*. Куз. ‘И **купаться** тогда не разрешали... Праздники были Земля-имениница, Вода-имениница, тогда не разрешали’. Отметим, что данное явление в говоре имеет ограниченный и неустойчивый характер: упрощенные формы указанных слов встречаются достаточно редко и в основном зафиксированы в речи диалектоносителей преклонного возраста. Выпадение гласного *ы* в указанной позиции достаточно активно отмечаются в соседних среднечепецких говорах, откуда, по нашему мнению, в результате миграции их носителей оно было привнесено в ареал кезского говора.

2.7. В гыинском кусте кезского говора спорадически встречается явление ассимиляции *й* внутри корня (в основном в русских заимствованиях) и реже *й* суффиксального слога предшествующими согласными *л, л’, н, н’, с’, з’, д, д’, т, т’*: *плат’т’а* (< рус. *плат’йэ*) ‘платье’, *лыд’д’аны* (< *лыдйаны*) ‘считать’, *удморт’т’ос* (< *удмортйос*) ‘удмурты’, *вал’л’ос* (< *валйос*) ‘лошади’ и др. Примеры: кез. *пинал’л’ос, пэ, шуо, учит’эл’зы тауз йун ээч*. СГыя ‘**Дети**, мол, говорят, что учитель этот очень хороший’; кез. *тан’ кэнэ вэраз, удморт’т’ос, пэ, лыкти-зы тон доры вэрас’кын*. СГыя ‘Вот моя сноха сказала, **удмурты**, мол, пришли к тебе поговорить’; кез. *кыт ми тэром кык сват’т’аос одик коркан*. СГыя ‘Как мы уживёмся две сваты в одном доме’.

В свое время А. А. Алашеевой было отмечено, что указанное явление не встречается в верхнечепецких говорах [Алашеева 1990: 10]. Тем не менее, во время экспедиций к кезским удмуртам практически во всех обследованных населённых пунктах нами были зарегистрированы примеры на ассимилятивные изменения в заимствованных словах, к примеру: *л’ин’н’а* (< рус. *л’и-н’ийа*) ‘линия’, *пэчэн’н’а* (< рус. *пэчэ-н’йэ*) ‘печенье’, *варэн’н’а* (< рус. *варэ-н’йэ*) ‘варенье’. В некоторых населённых пунктах, расположенных достаточно далеко друг от друга, к примеру, в с. Кулига, дд. Фокай, Уди, Юрук, Новый Унтем, в речи диалектоносителей преклонного возраста в небольшом количестве отмечены также примеры на ассимилятивные процессы, происходящие и в словах удмуртского происхождения как внутри корня, так и на стыке двух морфем: *өд’д’аны* (< *өдйаны*) Кул., Пол., Юр., Уд., Фок. ‘надумал, затеял’; *лыд’д’ас’кыны* (< *лыдйас’кыны*) НУн., Уд. ‘считать’, *уд’д’аны* Фок. ‘угощать спиртным; подавать спиртное’, *йэзит’т’ос* (< *йэзитйос*) НУн., Юр. ‘парни; молодежь’. Примеры: кез. *пинал пыртонын куноослы пичил’тык вина уд’д’ало ни*. Фок. ‘На крестинах ребёнка гостей чуть-чуть вином уже **угощают**’; кез. *кыл’эм арын макэ вис’ын өд’д’ай*. Уд. ‘В прошлом году что-то я приболела (‘стала болеть’)

В прошлом указанная диалектная черта, как мы полагаем, имела более активный характер в ареале кезского говора. Сохранение данного фонетического процесса в гыинском кусте кезского говора,

по-видимому, объясняется влиянием соседнего среднечепецкого диалекта, для которого характерен произносительный вариант с результатами ассимиляции [Карпова 2020, 148].

Явление ассимиляции *й* предшествующему согласному имеет широкое распространение в нижнечепецком диалекте [Карпова 2016, 26–27], в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 151; Люкина 2016, 65–66], средневосточных говорах [Бушмакин 1968, 272], также в отдельных говорах южного и периферийно-южного диалектов [Кельмаков 1998, 103–105]. Уподобление предшествующим согласным последующего согласного *й* широко распространено в диалектах коми-зырянского и коми-пермцкого языков [Баталова 1975, 53; Попова, Сажина 2014, 81].

Таковы в целом дифференциальные фонетические черты верхнечепецких говоров в сравнении с другими северноудмуртскими диалектами. На основе вышеприведенного анализа можно заключить, что говоры верхнечепецкого ареала между собой в области фонетики обнаруживают много общих черт, позволяющие их объединить в один диалект. Вместе с тем отдельные частные диалектные микросистемы ареала проявляет некоторую специфику, которая в определённой степени обусловлена этногенетическими и миграционными процессами, имевшими место в данном регионе. В частности, северо-западный куст кезского говора совмещает в себе отдельные признаки соседних среднечепецких говоров (употребление анлаутного *й*, ассимиляционные явления в сочетаниях типа *-Сй*), которые не совсем свойственны другим говорам верхнечепецкого ареала. Наличие (точнее сохранению) в фонетической системе данной диалектной микросистемы среднечепецких черт, возможно, способствовало соседство с носителями среднечепецкого диалекта, с которыми население гыинского и александровского кустов имеет давние экономические и социокультурные связи. В тыловайском подговоре дебёсского говора, наряду с верхнечепецкими особенностями, проявляется ряд фонетических соответствий с пограничными средневосточными говорами (явление регрессивной ассимиляции конечным гласным основы *а* гласного *о* форманта множественного числа существительных, процесс стяжения, аффрикатизация). Сочетание как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов развития диалектных микросистем верхнечепецкого ареала способствовало развитию отдельных дифференциальных черт на различных уровнях языка, в том числе и на фонетическом.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) удмуртские диалекты и говоры: ал. – александровский куст кезского говора верхнечепецкого диалекта; вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; гл. – глазовский говор среднечепецкого диалекта; гыин. – гыинский куст кезского говора верхнечепецкого диалекта; деб. – дебёсский говор верхнечепецкого диалекта; зур. – зурицкий говор верхнечепецкого диалекта; кез. – кезский говор верхнечепецкого диалекта; кож. – кожильский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта; нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; пон. – понинский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта; сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; тыл. – тыловайский подговор дебёсского говора верхнечепецкого диалекта; юк. – юкаменский говор среднечепецкого диалекта; яр. – ярский говор среднечепецкого диалекта;

б) населённые пункты по говорам верхнечепецкого диалекта:

кезский говор: Ал. – д. Александрово, Кезский р-н; Каб. – д. Кабалуд, Кезский р-н; Куз. – п. Кузьма, Кезский р-н; Кул. – с. Кулига, Кезский р-н; Мед. – д. Медьма, Кезский р-н; НУн. – д. Новый Унтем, Кезский р-н; Паж. – д. Пажман, Кезский р-н; Пол. – с. Полом, Кезский р-н; СГыя – д. Старая Гыя, Кезский р-н; Уд. – д. Уди, Кезский р-н; УЗяз. – д. Удмурт Зязьгор, Кезский р-н; Фок. – д. Фокай, Кезский р-н; Юр. – д. Юрук, Кезский р-н; Юс. – с. Юски, Кезский р-н; ЮТол. – д. Ю-Тольён, Кезский р-н;

дебёсский говор: Ар. – д. Ариково, Дебёсский р-н; Бер. – д. Берёзовка, Дебёсский р-н; ЗМед. – д. Заречная Медла, Дебёсский р-н; Котег. – д. Котегурт, Дебёсский р-н; НТыл. – д. Нижний Тыловай, Дебёсский р-н; СКыч. – д. Старый Кыч, Дебёсский р-н; Так. – д. Такагурт, Дебёсский р-н; Турн. – д. Турнес, Дебёсский р-н; Тыл. – с. Тыловай, Дебёсский р-н;

зурицкий говор: Кабач. – д. Кабачигурт, Игринский р-н; Лоз. – д. Лозолук, Игринский р-н; Люк – д. Люк, Игринский р-н; ОИр. – д. Оник-Ирым, Игринский р-н; Тур. – д. Турел, Игринский р-н; Тютп. – д. Тютпиево, Игринский р-н.

ЛИТЕРАТУРА

Алашеева А. А. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91–105.

- Алашеева А. А. Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого диалекта удмуртского языка // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1990. Т. 2: Языкознание. С. 8–10.
- Архинов Г. А. Среднеюринский говор. I // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 5–44.
- Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.
- Атаманов М. Г. Бесермянский след в диалектах удмуртского языка // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7.–13.8.2000. Tartu, 2001. P. IV. Dissertationes sectionum: Linguistica I. С. 97–106.
- Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
- Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2017. 592 с.
- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 168 с.
- Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 28 с.
- Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971а. 397 + 350 с.
- Воронцов П. И. Явления выпадения фонемы *ы* в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. Ижевск, 1997. С. 7–22.
- Загуляева Б. Ш. Говоры дд. Муважи и Чумали // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 126–136.
- Каракулов Б. И. Говор села Юски // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 106–115.
- Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 223 с.
- Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
- Карпова Л. Л. Кезские говоры в системе северноудмуртских диалектов // Динамика структур финно-угорских языков. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2011. С. 97–106.
- Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.
- Карпова Л. Л. Некоторые особенности фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 6. Вып. 2. С. 17–36.
- Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.
- Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26–61.
- Кельмаков В. К. Развитие фонетической системы языка в условиях иноязычного окружения (татарское влияние на удмуртские диалекты) // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum, Tallinnae habitus, 17–23.VIII.1970. Tallinn, 1975. P. 1. Acta linguistica. С. 547–549.
- Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: науч. докл., представ. в качестве дис. ... д. филол. наук. М., 1993. 57 с.
- Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
- Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
- Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964. 270 с.
- Лыткин В. И. Лабиализованные гласные среднего ряда в пермских языках // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 85–94.
- Максимов С. А. Комментарий к карте «Реализация вариантов фонемы *ы* и употребление фонемы *й* в диалектах удмуртского языка» // Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 60–68.
- Максимов С. А. Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология. Ижевск, 2018. 336 с.
- Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 202 + 339 с.

Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156–196.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

Тепляшина Т. И. Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1973. Вып. 2. С. 196–223.

Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe in Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // FUF. Helsinki, 1954. Bd. 31, H. 3. S. 149–345.

Kel'makov V. K. Der bilabiale Sonant in den udmurtischen Dialekten // Lapponica et Uralica: 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala: Vorträge am Jubiläumssymposium, 20–23. April 1994. Uppsala, 1996. S. 211–224.

Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933. 446 S. (= MSFOu 65).

Поступила в редакцию:

Карпова Людмила Леонидовна,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Барамзиной, 34
e-mail: karpovalud@rambler.ru

L. L. Karpova

PHONETIC MARKERS OF THE UPPER CHEPTSA DIALECT OF THE UDMURT LANGUAGE

DOI

The article aims to study some phenomena of phonetic syntagmatics in the Upper Cheptsä dialect which is a part of the Northern Udmurt dialect. The relevance of the study is determined by the importance of information about the originality of the Udmurt dialects, common in the Upper Cheptsä language area and having insufficient coverage in the scientific literature. The empirical base of the research is the language materials of the author's dialectological expeditions to the areas of Northern Udmurt. Special attention is paid to those characteristics which are common for the Upper Cheptsä dialect, on the one hand, and to phenomena which are of limited use in the investigated subdialects, on the other hand. The study also considers distinctive features in the vowel and consonant systems, analyzes most typical sound changes and processes in the subdialects. Different types of assimilation in the vowel and consonant systems, loss of sounds (sound elimination) are mentioned among phonetic peculiarities. Typical phenomena of omission of vowels in inlaut and auslaut of a word are investigated. The most typical for Upper Cheptsä subdialects is the loss of vowels in the middle and absolute end of a word. It is stated that this process in inlaut and auslaut is most often exposed to the vowel *ы*. The researcher highlights the intradialectal specific phenomena in the phonetic system of Upper Cheptsä subdialects in detail. The territorial prevalence of dialect modifications of phonetic syntagmatics is also revealed. Consistent comparison of the language facts of Upper Cheptsä subdialects with similar phenomena in other of Northern and other Udmurt dialects is made.

Keywords: Udmurt language; phonetics; Northern dialects; Upper Cheptsä dialect; phonetic syntagmatics; vocalism; consonantism; phonetic phenomena; dialectal modifications; dialectal variation.

Citation:

REFERENCES

Alasheeva A. A. Verkhnechepetskie govory I [Upper Cheptsä subdialects I] // *Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka* [Speech samples of the Udmurt language]. Izhevsk. 1982. Pp. 91–105. In Russian.

Alasheeva A. A. Obshchie (severnoudmurtskie) i chastnye (mestnye) osobennosti v fonetike verkhnechepetskogo govora udmurtskogo yazyka [Common (Northern Udmurt) and unique (local) features in the phonetics of the Upper Cheptsä subdialect of the Udmurt language] // *Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa fin-*

no-ugrovedov [Proceedings of the 6th International Finno-Ugric congress]. Moscow: Nauka Publ., 1990. Vol. 2: Linguistics. Pp. 8–10. In Russian.

Arkhipov G. A. Sredneyurinskii govor I [Srednie Yuri subdialect 1] // *Materialy po udmurtskoi dialektologii: obraztsy rechi* [Papers on Udmurt dialectology: speech samples]. Izhevsk, 1981. Pp. 5–44. In Russian.

Atamanov M. G. Grakhovskiye govory yuzhnoudmurtского narechiya [Grakhov subdialects of the South Udmurt Dialect] // *Materialy po udmurtskoy dialektologii: obraztsy rechi* [Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples]. Izhevsk, 1981. Pp. 45–96. In Russian.

Atamanov M. G. Besermyanskii sled v dialektakh udmurtskogo yazyka [Besermyan trace in dialects of the Udmurt language] // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7.–13.8.2000*. Tartu, 2001. P. IV. Dissertationes sectionum: Linguistica I. C. 97–106. In Russian.

Atamanov M. G. *Ot Dondykara do Ursyurta. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursyurt. From the history of Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005. 216 p. In Russian.

Atamanov-Ehgrapi M. G. *Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda* [The origin of the Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2017. 592 p. In Russian.

Batalova R. M. Komi-permyatskaya dialektologiya [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p. In Russian.

Batalova R. M. *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki)* [Areal studies on the Eastern Finno-Ugric languages (the Komi languages)]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 168 p. In Russian.

Bushmakin S. K. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka: Aftoref. dis. kand. ... filol. nauk* [Phonetic and morphological features of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tartu, 1971. 28 p. In Russian.

Bushmakin S. K. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka* [Phonetic and morphological characteristics of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language]: dis. ... kand. filol. nauk [Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk; Moscow, 1971a. 397 + 350 p. In Russian.

Vorontsov P. I. Yavleniya vypadeniya fonemy *ы* v udmurtskikh dialektakh [Phenomena of *ы* Phoneme Loss in Udmurt Dialects] // *Permistika 4: Permskie yazyki i ikh dialekty v sinkhronii i diakhronii* [Permistika 4: Permian languages and their dialects in Synchrony and Diachrony]. Izhevsk, 1997. Pp. 7–22. In Russian.

Zagulyaeva B. Sh. Govory dd. Muvazhi i Chumali [Subdialects of the villages of Muvazhi and Chumali] // *Materialy po udmurtskoi dialektologii: obraztsy rechi* [Papers on Udmurt dialectology: speech samples]. Izhevsk, 1981. Pp. 126–136. In Russian.

Karakulov B. I. Govor sela Yuski [The subdialect of the village of Yuski] // *Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka* [Speech samples of the Udmurt language]. Izhevsk, 1982. Pp. 106–115. In Russian.

Karpova L. [L.] *Fonetika i morfologiya srednechepetskogo dialekta udmurtskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Middle Chepts dialect of the Udmurt language]. Tartu, 1997. 224 p. In Russian.

Karpova L. L. *Srednechepetskiy dialekt udmurtskogo yazyka. Obraztsy rechi* [The Middle Chepts dialect of the Udmurt language. Speech samples]. Izhevsk, 2005. 581 p. In Russian.

Karpova L. L. Kezskie govory v sisteme severnoudmurtских dialektov [Kezskiy subdialects in the system of the Northern Udmurt dialects]. *Dinamika struktur finno-ugorskikh yazykov* [Dynamics in the structures of the Finno-Ugric languages]. Syktyvkar: OOO «Izd-vo «Kola» Publ., 2011. Pp. 97–106. In Russian.

Karpova L. L. *Leksika severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: srednechepetskiy dialekt* [The lexicon of the Northern dialects of the Udmurt language: the Middle Chepts dialect]. Izhevsk, 2013. 600 p. In Russian.

Karpova L. L. Nekotorye osobennosti foneticheskoi sintagmatiki v nizhnechepetskom dialekte udmurtskogo yazyka [Some Features of Phonetic Sintagmatics in the Lower Chepts Dialect of the Udmurt Language] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2016. Vol. 10, Issue 2. Pp. 17–36. In Russian.

Karpova L. L. *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: Formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status]. Izhevsk: MarShak Publ., 2020. 563 p. In Russian.

Kel'makov V. K. Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtского narechiya. I [Brief description of Kyrykmas subdialects of the Southern Udmurt dialect] // *Voprosy udmurtskoi dialektologii* [Issues of Udmurt dialectology]. Izhevsk, 1977. Pp. 26–61. In Russian.

Kel'makov V. K. Razvitie foneticheskoi sistemy yazyka v usloviyakh inoyazychnogo okruzheniya (tatarskoe vliyanie na udmurtskie dialekty) [Development of the phonetic system of the language in a foreign language environment (Tatar influence on Udmurt dialects)] // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum, Tallinnae habitus, 17–23.VIII.1970*. Tallinn, 1975. P. 1. Acta linguistica. Pp. 547–549. In Russian.

Kel'makov V. K. Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskikh dialektov: nauch. dokl., predstav. v kachestve dis. ... d-ra filol. nauk [Formation and development of phonetics of Udmurt dialects: a scientific report, presented as a thesis of Doctor of Philology]. Moscow, 1993. 57 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [A short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. References]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 1998. 386 p. In Russian.

Lyukina N. M. *Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan* [Phonetic and morphological features in the language of the Lekma and Yunda Besermians]. Izhevsk: Institute for Computer Research Publ., 2016. 200 p. In Russian.

Lytkin V. I. Istoricheskiy vokalizm permskikh yazykov [Historical vocalism of Permic languages]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 270 p. In Russian.

Lytkin V. I. Labializovannyye glasnye srednego ryada v permskikh yazykakh [Labialized vowels of the middle row in Permian languages] // *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1968. № 1. Pp. 85–94. In Russian.

Maksimov S. A. Kommentarii k karte «Realizatsiya variantov fonemy *ɨ* i upotreblenie fonemy *ɨ̄* v dialektakh udmurtskogo yazyka» [Comments on the map «Implementation of variants of the phoneme *ɨ* and the use of the phoneme *ɨ̄* in dialects of the Udmurt language»] // Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A., Semenov V. G., Otstavnova G. V. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka: Karty i kommentarii* [Dialect atlas of the Udmurt language]. Izhevsk: NITS «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», 2009. Issue I. Pp. 60–68. In Russian.

Maksimov S. A. *Severnoudmurtsko-komi areal'nye yazykovye paralleli: leksika, fonetika, morfologiya* [North Udmurt-Komi areal linguistic parallels: vocabulary, phonetics, morphology]. Izhevsk, 2018. 336 p. In Russian.

Nasibullin P. Sh. *Zakamskie govory udmurtskogo yazyka* [Zakamsky subdialects of the Udmurt language]: dis. ... kand. filol. nauk [diss. ... cand. philol. sciences]. Moscow, 1972. 202 + 339 p. In Russian.

Popova R. P., Sazhina S. A. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of the Komi dialects (comparative aspect of the study)]. Syktyvkar, 2014. 272 p. In Russian.

Teplyashina T. I. Nizhnechepetskie govory severnoudmurtского narechiya [The Lower Chepts subdialects of the Northern Udmurt dialect] // *Zapiski* [Proceedings]. Izhevsk, 1970. Issue 21. Philology. Pp. 156–196. In Russian.

Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Language of the Besermyan]. Moscow: Nauka Publ., 1970a. 288 p. In Russian.

Teplyashina T. I. Zametki po verkhneizhskim udmurtskim govoram [Notes on the Upper-Izh Udmurt Dialects] // *Voprosy udmurtskogo yazykoznanija* [Questions of Udmurt Linguistics]. Izhevsk, 1973. Issue 2. Pp. 196–223. In Russian.

Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe in Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // FUF. Helsinki, 1954. Bd. 31, H. 3. S. 149–345. In German.

Kel'makov V. K. Der bilabiale Sonant in den udmurtischen Dialekten // *Laponica et Uralica: 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala: Vorträge am Jubiläumssymposium, 20–23. April 1994*. Uppsala, 1996. S. 211–224. In German.

Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933. 446 S. (= MSFOu 65). In German.

Received

Karpova Ludmila Leonidovna,
 Doctor of Sciences (Philology), Leading Research Associate
 Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
 34, T. Baramzinoy st., Izhevsk, Russian Federation,
 e-mail: karpovalud@rambler.ru